Цыган

Автор:
Елена Глебова

Цыган

Елена Глебова

Цыган – бульварное чтиво, повесть о любви. Можно классифицировать как дамский («розовый») роман. Сюжет полностью взят из реальной жизни. События повести происходят в центральной части России в конце 19 столетия.

Елена Глебова

ЦЫГАН

Бульварное чтиво

Любви нельзя добиться силой, любовь нельзя выпросить и вымолить.

Она приходит с небес, непрошенная и нежданная.

Бак Перл Сайденстрикер

Часть 1. Нищенка

Распалённое сентябрьское небо ещё дышало жарким летом. Птицы беззаботно парили высоко над землёй, говорливые пчёлы с гулом и привычным ворчанием собирали мёд, стрекозы даже не думали готовиться к надвигающейся осени, отплясывая в воздухе вальсы Шуберта, жуки и муравьи с важным видом переползали пыльную разбитую конскими копытами дорогу, по одну сторону которой стояли добротные деревенские домишки, а по другую росли вишнёвые деревья и дикий кустарник. Лазоревое недосягаемое небо тонуло в лёгкой дымке полупрозрачных облаков. Было душно. Лютава повязала платок на голову, как это делали все деревенские девчата, в последний раз окинула себя удовлетворённым взглядом в зеркале, и, подобрав длинный заплетающийся подол василькового холщового сарафана, выскользнула из дома. Деревня жила обычной воскресной жизнью: где-то кудахтали куры, уныло мычал скот, угоняемый мальчишками на пастбища, скрипели телеги по дороге, ведущей в губернский городишко Спасск-на-Студенце. И вся эта привычная воскресная деревенская жизнь сопровождалась неугомонным лаем собак.

Нарядно одетый простой люд медленно тянулся в церковь на воскресную литургию. Вот и Лютава в одном из лучших своих нарядах с ниткой деревянных расписных бус тоже поспешала по пыльной дороге в храм. Идти было не далеко – версты две, не больше, и вот уже ноги сами несли к святой обители. Желание помолиться, высказать всё, что было на душе, поплакать перед образами, попросить, как это водится, жданного, да и себя, красивую, показать. А хочется ещё и на людей посмотреть – где, как не в церкви, собирается весь люд честной. Среди тяжёлых рабочих будней одно воскресение дарило те несколько часов отдыха и душе, и телу, и люди ждали его, и готовились к этому воскресному походу в храм. Всё самое лучшее – и всё сразу. Лютава с лёгкостью шагала в лаптях-липовиках, за последние три года жизни она уже свыклась и с крестьянской простой одеждой, и с незамысловатой грубой обувью и с нуждой, а было Лютаве всего семнадцать лет отроду. Незаконнорожденное дитя при купеческом дворе имело грустную, как правило, судьбу. Отец Лютавы, происходивший из знатного обедневшего дворянского рода Любенов, по настоянию родителей женился на дочери очень богатого купца, что имел свой постоялый двор в Энгельсе, в Саратове и многих других приволжских городах. На деньги тестя молодой Дирк Любен, талантливый финансист, закончивший один из лучших университетов в Дрездене, тотчас основал и возглавил крупнейший банк. Молодой импозантный Любен достиг предела своих мечтаний, его семья перестала считать копейки, а мать Любена больше не подметала со стола хлебные крошки, чтобы настоять на них квас. Лёгкая коляска, запряжённая парой отличных гнедых лошадей Орловской породы, каждый день ждала Дирка Любена подле крыльца его дома, чтобы отвезти на биржу молодого

финансиста. Дирк работал ежедневно с утра до позднего вечера не покладая рук, с каждым месяцем всё увеличивая и увеличивая своё состояние. Тесть Дирка, длиннобородый кряжистый Микула Кулак, был очень доволен своим зятем, грубоватый, неотёсанный и порой довольно хамовитый, он уважал деньги и тех, кто умеет их приумножать. Дочь Микулы, такая же носатая (звали её за глаза «нос на карачках»), полнотелая, круглолицая Афанасия, была крайне похожа на папеньку, отчего Микула не чаял души в своём чадушке. Круглая со всех сторон, с ровным купеческим пробором, ещё сильнее подчёркивающим низкий лоб, круглощёкая с маленькими смеющимися мышиными глазками, Афонюшка была полной противоположностью молодому Дирку. Но к длиннокосой пышной Афонюшке прилагалось такое приданое, что все слёзные протесты Дирка утонули в доводах его отца: стерпится – слюбится, надо зарабатывать, чтоб жить достойно, а одной любовью сыт не будешь. А чтобы по-настоящему зарабатывать – нужно работать на себя, а не на кого-то, одним словом, нужен капитал – было бы, с чего начать. И Дирк венчался с Афонюшкой в Свято-Троицком кафедральном соборе маленького городка Энгельса. Глазами мудрого, прожившего жизнь старика молча и печально взирал священник на молодых. Он ничего не сказал и не спросил лишнего, лишь грустным взглядом проводил брачующихся после венчания вон из храма. Всё смешалось в голове молодого Дирка: и качающееся кадило, и высокие венчальные свечи, и удивительной красоты венец, что держали над его головой, и ослепительное кружево подвенечного наряда Афонюшки, тонущее в километрах белоснежной фаты, и трогательное, задушевное и такое искреннее пение церковного хора. Все события и лица слились в одно событие бурного пиршества. Микула накрыл богатые столы на берегу Волги – свадьбу дочери праздновали всем городом. Беспрестанно играла гармонь, купцы-соратники по купеческой гильдии подносили молодым свои подарки. Кто чем торговал – тем и одаривал новобрачных. Клали к ногам невесты и тюки с дорогими тканями, и украшения, что не всякая знатная семья могла себе позволить, и сапоги мягкой телячьей кожи, и шубы, и всякую домашнюю утварь. Афонюшка с замиранием сердца смотрела на своего суженого – вот счастье-то папочка купил. Только топнула Афоня ножкою, а папенька раз – и вот тебе, доченька, самый видный из женихов, да не из простых, а знатной дворянской крови. Дворяне, даже нищие, редко когда допускали подобный мезальянс, чтобы родовитый сын своего семейства взял в жёны пусть и богатую, да безродную. А тут на тебе: дочь Микулы Кулака да за такого красавца из благородных! Вот теперь вся округа будет кликать её Афонькой Любенкой! Ай, девки обзавидуются все! Так и думала Афоня, утопая в кружевах модного заморского платья, что папенька заказал прямо из Дрездена на свадьбу доченьке. Дирк с вежливой улыбкой принимал поздравления. Пьяные выкрики, постоянные крики «горько», пляски до упаду, а потом и кулачный бой –

какая же русская свадьба без драки – всё это смешалось в одно грустное тягучее воспоминание. Счастливый взгляд Микулы при виде расцветающей на его глазах доченьки, бурная длинная конная процессия с баянистом и горланящими развесёлыми румяными девками, и лишь обручальное кольцо непривычно жало палец Дирку Любену, а не снимешь уже…

Шли годы. Они, как птицы, улетали прочь от Дирка, унося с собой его молодость. Афоня в жизни оказалась такой же жёсткой, прижимистой, если не сказать скаредной, как и её папенька, но при этом девица была умная, смелая и открытая. Дирк мучительно долго привыкал к её ограниченному уму, который понимал только в одной сфере – сфере денежной. О чём ни спроси Афонюшку, а всё одно – про пироги с капустою услышишь. По дому помогали Афоне дворовые девки: Марфа и Пелагея. Одна в огороде да на кухне, другая убирала дом и настирывала простыни. Двух служанок вполне хватало прижимистой Афоне, пока не родился у неё первенец – Николенька. Испугавшись, что ребёнка будет воспитывать необразованная ограниченная купчиха, Дирк тут же подсуетился и привёл в дом ещё одну горничную – Ирму, родом из Энгельса, тоже из обрусевшей немецкой семьи. Ирма была молодой девицей навыдане, но без приданого. Многие засматривались на неё, но никто не хотел брать в жёны девушку из крайне бедной семьи, едва влачившей своё жалкое существование. В совершенстве владеющая двумя языками, Ирма прекрасно понимала в фармацевтике, читала и писала на латыни и превосходно играла на нескольких музыкальных инструментах. Дирк был дико восхищён своей негаданной находкой, которая так некстати была противоположностью Афонюшки. Ирма была стройна. Высокая, статная, с льняными длинными волосами и широко распахнутыми на мир голубыми глазами-озёрами, она напоминала собою лань, трогательную, грациозную, пугливую, тихую и очень доверчивую, с какой-то глубокой затаённой грустью. Ирма занималась исключительно воспитанием маленького Николеньки, и Дирк платил ей с особой щедростью. Афоня, когда дело касалось сынишки, не скупилась ни на что, а Микула готов был снять с себя последнюю рубаху, видя во внуке всё своё будущее.

Прошло ещё пять лет. Николенька подрастал. Ирма, будучи прислугой, стала, практически, членом семьи молодых Любенов. И однажды, как обычно, мягко и беззвучно войдя в спальню Афони, Ирма попросила рассчитать её. Афоня сначала не поняла, в чём дело. Девчонка так старательно выполняла все поручения, была превосходной няней Николеньке, и ребёнок был очень привязан к ней. Каждый вечер в гостиной играла фисгармония, купленная Дирком за огромные деньги, чтобы услаждать слух домочадцев и воспитывать в Николеньке любовь к музыке. Ирма чудесно играла на скрипке, свирели и

духовой гармошке, так любимой всеми немцами. И вот, вдруг, раз – и расчёт. Ирма потупила взор и призналась Афоне, что ждёт ребёнка, и ей становится всё сложнее выполнять многие поручения хозяев. Афоня растерялась, потом разозлилась и, в конце концов, изумлённо спросила:

– А, чё ж так-то? Без мужа?

На что Ирма ещё ниже опустила голову и тихо произнесла:

– Так кто возьмёт нищую и безродную? А ребёночка тоже хочется, да и время пришло.

– И то верно, – смягчившись, произнесла Афоня, – не буду тебя выгонять, останешься при нас, родишь и вырастишь вместе с моим сыном. И легче тебе, да, и нам будет.

Ирма, узкая в кости, истекая кровью, умерла в тяжёлых мучениях, оставив миру маленького кричащего младенца – щупленькую девочку, названную Лютавой. Душераздирающему горю Дирка не было конца. Он всячески старался скрыть от жены своё состояние. Ирму похоронили на кладбище вместе с родственниками купеческой семьи. Афоня вначале хотела отдать ребёнка в семью Ирмы. Но у Ирмы была незрячая мать-инвалид и отец, который еле-еле передвигался по дому. Им было бы в тягость растить грудного ребёнка. И Афоня оставила малышку в своей семье. Дирк, к удивлению Афони, полностью поддержал это решение жены. Его душу, раздираемую болью от утраты любимой женщины, переполняло чувство благодарности, что хотя бы их с Ирмой ребёнок, будет расти у него на глазах. Дирк привёз Афоне очень дорогой янтарный гарнитур в золоте. Молодая купчиха с интересом взглянула на безмерно дорогие массивные серьги и перстни, деловито примерила крупные янтарные бусы и была тронута таким редким в её адрес вниманием мужа. В тот момент она не поняла, за что Дирк, переполненный болью и благодарностью одновременно, безо всяких на то причин так щедро одарил её.

Крохотная Лютава росла день ото дня, радуя Дирка своими маленькими успехами. Дирк втихаря щедро помогал деньгами родителям Ирмы. Смотритель кладбища каждые три месяца получал от Дирка персональное вознаграждение за то, чтобы могила Ирмы всегда была убрана цветами и вычищена от снега в зимние холода. Мраморная плакальщица – плачущий скорбящий ангел с

крыльями – украшала последнее пристанище красавицы Ирмы. Дирк нанял лучшего мастера по резьбе по камню, и тот сделал для Ирмы мраморное надгробие, сравнимое с теми, что делали только для самых знатных и богатых жителей губернии. Тогда Афоня впервые задумалась. Неясные мысли поселились в её голове, а когда Лютава стала подрастать и всё больше начала походить на отца, тут смутные догадки Афони нашли своё подтверждение – чей же ребёночек бегает по её дому, и почему Дирк так трепетно относится к приёмной девочке.

Жизнь сыграла с Лютавой злую шутку: как и все незаконнорожденные дети, она была, как две капли воды, похожа на Дирка. И если маленький возраст как-то сглаживал общие черты, то со взрослением пугающая схожесть просто бросалась в глаза и домашним, и всем гостям в доме Любенов. Микула скрежетал зубами, Афоня готова была сжить ребёночка со свету, и в одно прекрасное утро Лютава исчезла из купеческого дома.

Дирк вынужден был рассказать девочке о её происхождении, обнял, расцеловал её всю, как все эти долгие мучительные годы исподволь мечтал, и тайно ночью отправил прочь со двора вместе с дядькой Прохором, дав ему сопроводительные документы и толстую пачку купюр. Было Лютаве на тот момент всего тринадцать лет.

Скандал был исчерпан. Афоня сделала вид, что простила мужу его слабость, но не забыла. Под сердцем она носила уже второго своего ребёнка, и страшно было гневить Бога и сводить счёты с сиротой, будучи на сносях. Микула долго ещё хмуро косился на зятя, а потом махнул рукой – дело житейское. Да и мужики успокаивали: с кем, дескать, не бывает, да и стоит ли о былом вспоминать.

Лютава с дядькой Прохором уехали в маленькую деревушку неподалёку от Пензы и Саратова. Прохор подобрал им с Лютавой добротный домик на окраине деревни, обзавёлся скотиной, развёл курей, накупил со временем всякой домашней рухляди, и стала Лютава расти, как обычная деревенская девочка. Прохор каждые две недели сочинял письма и отправлял их Дирку на адрес банка. Дирк время от времени снабжал деньгами Прохора через разных доверенных лиц, отписывал наставления, но сам не появлялся в этой забытой Богом деревушке. Вся деревня дивилась на то, как жили Прохор с Лютавой, сколько тратили на деревенских ярмарках, сколько сплетен разных и домыслов кружилось за их спиной. Лютава подрастала, скучала по прежней жизни в одном доме с отцом, но назад пути не было. Сколько ни писал Прохор, ни просил Дирка

приехать к ним повидать дочь – Дирк ни разу не появился на их пороге. И случилось так, что перестали приходить деньги от Дирка. Лютава плакала втихаря в подушку, боялась, что папенька разлюбил её, а, может, и того хуже – жив ли вообще на этом свете. Прохор хотел было уже ехать в Энгельс разведать, что да как с Дирком, весточку ему от Лютавы передать, да внезапно слёг. Был у Прохора запас в сундуке – не прикосновенные несколько весьма дорогостоящих купюр «про чёрный день». Вот на них и жила дальше Лютава. А исполнилось ей к тому времени только-только семнадцать годков.

Девица навыдане, самый цвет. Хороша и пригожа собой была Лютава: волосы такие же льняные, как у матери, глаза – отца, и все черты лица, и улыбка, и движения Дирка, словно он вдохнул в неё самого себя. Необычная внешность, строгая, правильная, словно, с иконы вылепленный лик и мелодичный, нежный голос часто обращали на себя внимание, но Лютава была чужой в деревне, и это было пропастью между ней и простым деревенским людом. Воспитание в купеческом доме не могло не сказаться на Лютаве – её манерах, увлечениях, восприятии мира. Лютава была образована не по своим годам, умела читать и писать на двух языках, как и её мать, отлично знала математику и историю, но была абсолютно не приспособлена к жизни в деревне. Прохор нанял деревенскую женщину, чтобы та обучила Лютаву самым необходимым по хозяйству вещам: как ухаживать за скотиной, как тесто месить и хлеб выпекать, когда нужно сеять в огороде, а когда – снимать урожай, как полоскать бельё на заводи и стирать его на ребристой доске, а потом отбивать колотушками – всё это раньше существовало для Лютавы только в теории. Никто из мужчин не зарился на красивую да леворукую хозяюшку – всем нужна была помощница по дому, одной красоты сказочной было мало для жизни в деревне. Но нашёлся-таки один парубок, что приударил за Лютавой, начал песни под окнами распевать да в гости напрашиваться. С ним она и похоронила Прохора, ему всё и рассказала о прошлом своём, о заначке Прохоровой в сундуке да о жизни своей лихой. С той поры деньги из сундука таинственным образом исчезли вместе с кавалером. Лютава, верившая в человеческую честность и искренность, думала на лихих людей, и торопливо шла в церковь просить у Бога милости. В кулачке она зажимала последние свои грошики – соли в городе купить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/glebova_elena/cygan

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить